

АЛЁНА БЕЛОУСЕНКО

КУКОЛКА

РАССКАЗ

Вдоль аллеи горели фонари. Повсюду чувствовалась тихая, но непрекращающаяся борьба, то состояние природы, которое никогда не покидает её насовсем. Лужи вместе с опавшей листвой за неделю успевали замерзнуть и снова наполниться, а потом и вовсе иссохнуть.

Сергей остановился возле одного из фонарей, не дойдя сотни метров до назначенного места. Лицо его было серьёзно и спокойно, но будто что-то противное несправедливо заползло в его чистую весёлую жизнь и вызывало жалость к себе. “Как же это глупо вернуться теперь обратно, — думал он. — И как же фальшиво сейчас остаться”. Ему нечего сказать своему другу Косте, который был серьёзно болен, и нечем его поддержать. И потому Серёжу тянуло обратно домой, и не было ни единой горсточки силы внутри, чтобы заставить себя стоять твёрдо. Сил хватило только на то, чтобы выйти из ненавистного дома, где уже неделю они живут с отчимом вдвоём.

“А если Костя умрёт?” — подумал Сергей, и ему стало страшно. Не за Костю, не за себя, а просто страшно от той жестокой и неуправляемой силы, которая выхватывает людей одного за другим без разбора из этой жизни. Он почувствовал себя везучим, ведь такие страшные случайности, происходившие со знакомыми, обходили его.

БЕЛОУСЕНКО Алёна Анатольевна родилась в городе Удомля Тверской области в 1992 году. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова (экономический факультет). Студентка Литературного института им. А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Публиковалась в журналах “Волга XXI век”, “Подъём”, “День и ночь”, “МолОКО”. Лауреат фестиваля-конкурса “Хрустальный родник”, премии сайта “Российский писатель” в номинации “Новое имя” (2015), премии “Во славу Бориса и Глеба” (2016). Живёт в Подмосковье.

Вокруг плафона, надетого на жёлтую лампу, кружилась бабочка, всё не осмеливалась сесть на него. Её крылья напоминали павлиний хвост, хотя были не такими яркими. Сергей вдруг подумал, что красота бабочки не в раскраске крыльев, а в тонком и хрупком изяществе, с которым она их носит. На несколько мгновений бабочка зависла в воздухе. Серёжа присмотрелся и был удивлён, что её туловище вблизи выглядело неприятно. Подлетев совсем близко к лампе, бабочка упала на мокрую каменную плитку. Несколько секунд она то вздрагивала, то замирала, а вскоре совсем затихла. “Вот как эта бабочка, обжжёгшись о плафон, может умереть и Костя, раньше времени, просто так и ни за что”, — подумал он.

На горизонте появилась мужская фигура. Сергей весь вытянулся. Человек свернул в соседний двор. Значит, не Костя. Тонкая нить внутри оборвалась, и обрушилось все, что она держала.

— Аллю, Кость, извини, что поздно, не могу подойти сегодня вообще никак. В универе увидимся. Давай, до завтра, — Сергей с силой сжал мобильный телефон.

“Что за ерунда со мной происходит? — подумал он с отвращением к себе. — Не могу и всё тут”, — добавил шёпотом. Но явившаяся лёгкость уже несла его в сторону дома, подгоняя, пока он не успел опомниться.

В комнате у Сергея всегда было тепло, даже сейчас, ранней осенью, когда уже наступили холода, но отопления еще не дали. Отчим поменял окна, как только появился, ещё семь лет назад. Неровная белая краска на тёмном дереве сменилась гладким европейским пластиком. Но холод начал пробиваться не с улицы, а из стен собственного дома.

Отчим поселился у них сразу, без лишних притираний и вопросов, если не считать две субботы, проведённые в торговом центре втроём. Настольный футбол, чизбургер, мороженое и кино. А ещё он оплатил покупку ботинок для Сергея, и мальчик не мог понять, почему мать приняла помощь охотно и слишком ласково от малознакомого дяди. Понял всё потом, в следующую субботу, на третью неделю их знакомства, когда отчим заехал в квартиру. Именно в те выходные он купил новые окна и наказал звать папой. А вскоре за этими окнами впервые свили гнездо ласточки. Мама обрадовалась и сказала, что их прилёт к счастью. Как будто без отчима не было счастья...

Спроси сейчас у Сергея, что он запомнил особенно хорошего или особенно плохого за эти годы. Выйдет-то по паре эпизодов туда и сюда, и те не сразу вспомнит. Он не мог честно про себя назвать Антона плохим — как человека он признавал его хорошим, особенно если немного отойти в сторону, зажмурить глаза на пару секунд, открыть и ещё раз взглянуть на него. Но кто виноват, что отношения сшивались тонкими нитками? Не они выбрали пряжу, а сил мягко и сосредоточенно вышивать общую жизнь ни у одного из них не было. Каждый искренне хотел полюбить и принять другого, но если бы хоть кто-то полюбил по-настоящему, обогатилась бы пряжа, и немелкий шов не порвал бы её.

Лязгнула входная дверь. Появился отчим.

— Быстро как. Что, продинамила тебя баба? — приветствовал он Сергея басом.

Сергей никогда не понимал его шуток и почитал невинные хохмы за желание унижить и оскорбить. Он ничего не ответил. У отчима же, наоборот, сегодня было хорошее расположение духа — врачи, наконец, дали положительный прогноз на беременность мамы Сергея, которая сейчас лежала в больнице на сохранении.

Сергей аккуратно снял пальто, отряхнул его от чего-то невидимого сильными и неторопливыми движениями рук и так же размеренно, не спеша, повесил в шкаф. Под ногами Сергея мешалась Ласка, старая мамина овчарка. От радости ей хотелось лаять, но каждый раз она заглушала порывистый “рыбвк”, зная, что так “нельзя”.

Отчим, отхаркиваясь, пошел на кухню.

— Суп сварил, ешь, — сказал он, включая чайник.

Сергей не хотел есть еду, приготовленную отчимом, но выбора у него не было, и он старался хотя бы не показывать свой голодный энтузиазм. И потому перед тем, как сесть за стол, переоделся в своей комнате в домашнее, помыл руки и уже после этого направился на кухню.

“Да нормально, что с ним будет, взрослый парень уже”, — услышал он голос Антона. Прихлебывая чай, тот разговаривал с мамой по телефону. Сергей остановился в дверях и прислушался. Просит закупить что-то в магазине, ещё, видимо, спрашивает, как у сына дела.

— Ты в больницу идти собираешься? — спросил Антон, как только повесил трубку.

Сергей хотел навестить мать, но обида и гордость, вызванная этой обидой, мешали ему. “Случайно проговорились про беременность, посвящать меня не хотели, нафиг я там нужен”, — думал он.

Антон с минуту помолчал, Сергей молчал тоже.

— Ты понимаешь или нет, ей родить надо, нервничать нельзя, а ты как бык на всех смотришь, — сказал отчим прямо и чётко и хотел ещё что-то добавить, но передумал. — Жизнь жестоко по нам бьёт, — продолжил он спокойнее. — Но это хорошо. По тебе ещё толком она не попадала, поэтому ты такой взерошенный мальчишка.

Не произнес ни слова в ответ, Сергей ушёл в комнату.

Антон всегда осознавал, что в пасынке есть какая-то эмоциональная недоразвитость, мелочность, и не удивлялся этому. Не удивлялся и тому, что Сергей всегда был закрытым, как бы себе на уме. Но вёл себя почему-то так, будто все эти “недостатки” у Сергея было необходимо тотчас же исправить. Будто эталон мужчины один, и других вариантов быть не может.

Десять лет тому назад, ещё до встречи с мамой Сергея, Антон потерял жену и маленького сына в автомобильной катастрофе. Они ехали где-то под Питером на дачу к друзьям, и на проезжую часть выбежал лось. Животное встало прямо посреди дороги. Его мокрые, будто коровьи, глаза были спокойны. Не шевелясь, оно смотрело на приближавшуюся машину. После катастрофы Антон сильно пил, но новая возможность жить выходила его, поставила на ноги. А одну занозу вытащить не сумела — недоверчивую оглядку на свою проклятую судьбу, которая небрежно, но тихо-тихо, животными своими клыками может унести его семейное счастье к себе в потайное логово.

Но ребёнка родить не получалось — отчим сначала приходил в отчаяние, а затем и вовсе ожесточился. Участились ссоры с новой женой, которая ко всему прочему чувствовала себя виноватой. Антон не был против Сергея, он и не представлял себе второй брак без ребенка жены. Не видел рядом с собой женщины, которая не была бы закалена заботой о детях. Однако роль должника почему-то выбрал не для себя, а для пасынка. Поучал, ставлял, требовал уважения, словно с самого рождения заботился о нём.

А Сергей помнил своего отца. И узнал бы его даже без фотографий, хранящихся в старом альбоме. Родители разошлись, когда ему исполнилось шесть лет — отец был неудавшимся музыкантом и сильно пил. Сейчас никто не мог сказать, где он, и мать боялась случайно узнать что-то страшное, надеясь, что он всё же уехал к свекрови в Магнитогорск и оклемался от своей болезни. Кроме фотографий и старой коробки с нетронутыми струнами у Сергея осталась тёплая и ноющая память о нём. Он точно знал, что они вместе играли в прятки, и до сих пор помнил запах кожаной папиной дубленки с искусственным мехом, за которой прятался в шкафу. Дверца этого шкафа, не желая затягивать детские раны, до сих пор скрипит, обманывая наивное сердце. Но дублёнки за ней уже давно нет...

Утром земля с тусклой и вялой травой кое-где ещё удерживала нежный иней. Тонкие деревья будто подтянулись за ночь и, зажатые серой изморозью, застыли в новом виде. Запахло зимой.

Сергей как обычно выгуливал Ласку, высиживая на лавочке у подъезда положенное на прогулку время. Собака скрылась за кустами. Сергей присмотрелся — Ласка гонялась за хромым голубем, но не стал вмешиваться.

“Собака — единственное существо, кроме матери, которое способно принять человека таким, какой он есть, — думал Сергей, разглядывая лужи под

ногами, — а может, Ласка любит инстинктивно и, конечно, полюбила бы любого другого хозяина. И мать. Она ведь тоже, получается, любит инстинктивно, потому что в ребёнке часть её самой. И любила бы другого своего сына точно так же, как и меня. И полюбит. Но почему так сложно принять и полюбить человека неродного, чужого?”

Сейчас, когда мама так поздно забеременела, Сергей останавливал себя на мысли, что где-то в самой глубине своего сердца ненавидит ещё не родившегося ребенка за то, что тот может погубить мать. Ненавидит и за то, что если не погубит, то заберёт всю маму навсегда. И он останется один. Правда, Сергей уже давно съел себя мыслью, что никому не нужен и что его держат из жалости. Что он, как напоминание о ненавистном прошлом, о ненавистном отце, остаётся большим местом новой маминной семьи. Но почти так же давно он оброс твёрдой плотью и выработал иммунитет к этой заразе. И сейчас было не время снова страдать из-за неё.

— Ласка, домой! — закричал Сергей.

Собака лишь гавкнула в ответ, давая понять, что она слышит, но от голубя не отступилась. Наконец, извернувшись и подпрыгнув, она зажала добычу клыками и побежала к хозяину. Глаза собаки не выражали ничего — ни радости, ни удивления от впервые пойманной добычи.

— Фу, фу, выплюнь эту гадость! — скомандовал Сергей. Она опустила голубя на землю и, виляя хвостом, радостно залаяла.

На пары Сергей шел медленно, всё размышляя про мать, отчима и ребёнка. Да, мама его любит, и да, им с отчимом нужен общий ребёнок. Пытались давно, а вышло только сейчас. Зато сколько разговоров было первые года два! Сначала радостно спрашивали, хочет ли он братика или сестрёнку, потом с тоской в голосе говорили, что братик задерживается, а затем и вообще перестали упоминать об этом, но тяжело нависшая в доме безысходность выдавала их. Вот так оно и случается — неожиданно-негаданно. Выросло дерево и никого не задело, а пока по земле ходили, готовились, разговорами всю почву перетоптали.

Когда Сергей зашёл в аудиторию, лекция уже подходила к концу. Профессор исписал формулами половину доски. Говорили, что ему всего лишь семьдесят, хотя выглядел он лет на девяносто, мало что слышал и держал мел дрожащей рукой. А был когда-то кандидатом в мастера спорта.

Сергей подошел к Косте, потому что чувствовал свою вину перед ним. Костя, худенький темноволосый парень, как всегда сдержанным, мягким жестом пожал руку Сергею. И снова увлёкся лекцией, продолжая аккуратно записывать формулы в тетрадь.

Кто-то из аудитории задал вопрос. Профессор никак не отреагировал — посылались смешки.

— Глухой пень! — сказал другой голос басом. Смешки повторились.

“Почему он не уходит из института, зачем мучает себя и других?” — подумал Серёжа.

— Время! — закричал бас теперь очень громко.

Профессор посмотрел на часы, разглядывая минутную стрелку.

— Еще двадцать минут, — сказал он, повернувшись к студентам, — но если хотите, отпущу на десять раньше, — так наивно и беззащитно улыбнулся, что Сергею стало стыдно за него.

Когда профессор уже заканчивал, Костя принялся искать киносеансы на смартфоне. Сергей понял, что тот хочет позвать его в кино, и в нём тут же проснулось знакомое чувство жалости к себе. Не готов он был смотреть в ту же открывшуюся глубину, что и Костя. И хотя друг не требовал какого-то особенного сострадания, Сергей всё-таки трусил взять его за руку и пойти с ним дальше, туда, где Костя путешествовал в одиночестве.

— Пошли сегодня на вторую часть? — спросил Костя, показывая трейлер. Сергей замаялся и не смог сказать “да”. Как не смог сказать что-то важное в тот день, когда узнал о болезни друга, а отгородился общими фразами: “Еще ничего неизвестно”, “Выкарабкаемся”, “Для того и нужны трудности, чтобы их преодолевать”, — которые и поставили в тот день между ними стену.

Он сказал, что идёт сегодня к матери в больницу. Костя чуть улыбнулся в ответ.

Больница, ещё советской постройки, стояла недалеко от университета. Серая, тусклая, как и большинство больниц. Сергей давно уже не бывал там, презрительно относясь к врачам и ко всей медицине в целом. Он был уверен, что все таблетки вредны, и, как ни странно, почти всегда обходился без них.

— Молодой человек, вы куда? — окликнула Сергея женщина из регистратуры.

— Я к маме, — ответил он недоуменно.

Женщина взглянула на него.

— Отделение какое?

— Второе.

— Без халатов не пускаем, — отрезала женщина и уткнулась в свои бумаги.

Сергей всегда имел свое мнение по поводу того, кто прав, а кто виноват, и никогда не скрывал его. И сейчас он чувствовал, что эта женщина виновата, обращаясь к нему так высокомерно и не пуская в отделение, и уже готовился начать спор с ней, но услышал, что его зовут.

— Молодой человек, идите сюда, — полноватый, но подтянутый аптекарь, протянув свой белый халат, ласково и лукаво улыбнулся. — У меня перерыв сейчас. Как вернётесь, ко мне в окошко его положите.

Сергей сказал “спасибо”, но не чувствовал благодарности, будто отдать свой халат было именно то, что аптекарь должен был сделать, как человек хороший и честный.

В палате лежало пять беременных женщин — все молодые, кроме мамы. Было душно, и от того ещё крепче пахло хлоркой. Палата была почти вся белая, но это белое казалось грязным. Все женщины, кроме мамы и еще одной, совсем юной девушки, спали. Сергей внимательно посмотрел на мать. Ему показалось, что за эту неделю живот её сильно вырос, а лицо похудело и постарело. Будто плод внутри неё забрал её жизненные соки.

“Надеюсь, он родится раньше, чем высосет всё до конца”, — подумал он.

— Сына! — воскликнула мама удивленно, увидев Сергея.

Она как всегда улыбалась ему, но в этот раз улыбка её была горькой.

— Что врачи говорят? — спросил Сергей, подсев к матери и поправляя скомканное одеяло.

— Что говорят? Старая уже, — недовольно прошептала она, чуть пододвинувшись. — Не так, как молодой таскать.

— Что ты такой мрачный? — обратилась она к сыну, как бы шутя. — Говорят, самый расцвет женской красоты приходит во время её беременности.

Сергей поморщился и тут же заметил на себе пристальный взгляд с другой стороны палаты. Он повернул голову направо и встретился глазами с молодой девушкой. С русыми, крепко прибранными волосами и с полноватой фигурой. Все это время она *умилительно* наблюдала за тем, как разговаривают Сергей с мамой, и думала о чём-то своём, глубоком, — у неё были уже поздние сроки.

— Как осень красива своим собранным урожаем, так мать красива своей отданной силой, — продолжала мама. — Вот так и говорят, — задумчиво повторила она, как бы сама желала понять, правда это или кто-то придумал для поднятия уверенности молодым мамочкам.

Казалось, ей тяжело было сидеть, хотелось наконец лечь — то и дело она поправляла за спиной подушку.

— Поскорей бы домой, — вздохнула. — Мне в последнее время снятся ящерицы, не кусают, а просто выются возле меня по комнате, — по-особенному значительно рассказывала мама сон. — Как бы раньше сроков не вышел братик твой.

О чём она думала, Сергей не знал. Но чувствовал, что думала она не о том, о чём говорила. Или скорее думала не так, как выражала. Улыбаясь

ему, взгляд задерживала где-то далеко и будто по принуждению отводила его обратно к сыну.

— Хватит, мам, не нервничай, а то точно выйдет.

Мама примиряюще кивнула, сказав:

— Ночью одна роженица умерла.

— Не справилась, — добавила, кивая в сторону кровати, на которой лежала новенькая молодая девушка.

Сергей опять взглянул направо — девушка серьезно смотрела на него.

Потом он стоял в коридоре у окна, мысленно видел этих рожениц и отчётливее всех ту, молодую. Он удивился, почему раньше не ощущал громадной беззащитности беременных женщин, которую почувствовал сейчас. Но как мирно было лицо той девушки. Он знал почему-то, что она одна, без отца ребенка. И ему стало страшно перед её спокойной силой и в то же время жалко её, а потому и ещё более страшно. Чужие жизни катились мимо снежным комом в самый низ по горке, а его не задели, оставили на верхушке. И неправда то, что, зацепляя всё больше, они быстрее приближались к земле. Правда в том, что, зацепляя всё больше, они не превращались в слякоть.

Вдруг захотелось позвонить Косте. Прошло не более пары часов с их расставания, но Сергей понимал, что на самом деле их разделяло намного больше времени. Он почувствовал тоску, какую чувствуют родители по оставленному ребенку. Захотелось раскрыться и раскрыть его, дать ему выкричаться, выплакаться, высказаться.

Через окно на лестничном проходе он заметил идущего в больницу отчима, и боясь, что тот застанет его здесь, у окна, зашагал вниз по лестнице. А уже насчитав девятнадцать пролётов, неожиданно понял, что просто так поменять себя он не может. Есть жизнь, а есть он, который слаб для неё. Есть бабочка с не миловидной, а жестокой внешностью, потому что не искусственная, а жизнь — это не кукольный домик. Живёт она всего несколько дней, да и умирает ещё раньше сроков нелепо, обжѣгшись о плафон. И ни на минуту она не предаёт себя, каждое мгновение неся на себе свой бабочкин крест. А есть люди, такие, как он, которые не признают свой крест, распиливают его и раскидывают по чужим головам. Один скажет, что так справедливо, а другой будет требовать понимания. И встанут оба, перекидываясь щепками, и не сдвинутся с места.

Какое-то детское воспоминание всё резалось ему в голову, но никак не могло прорваться. Что-то такое, что, как ему казалось, роднило его с Костей. И вот наконец вспомнил. В детском саду он часто оставался вечером последним, кого ещё не забрали родители. Отец должен был приходиться за ним, но в итоге прибегала с работы мать, заплаканная и растрѣпанная. А тот являлся домой только под утро, пьяный...

Спустившись, Сергей дождался минуту в холле. Прикрыв за собой входную железную дверь, Антон прошел к гардеробу, не заметив пасынка. Сергею показалось, что Антон сейчас больше напоминал побитого и загнанного в клетку тигра, чем самого себя. Он подошёл сзади и, почти не касаясь, накинул белый халат ему на плечи.

На сугробы и теплый асфальт падал, может быть, уже последний за эту зиму снег. Земля, как покойница, лежала под белым одеялом, мёртвая, бесплодная. Но красив был её покой и светел. И не траур лежал на нём, а великолепие.

В коляске, посапывая, спал ребёнок. Блеснув первой молнией, жизнь в нём ещё не разгорелась. И не торопясь, зная свое дело, наливалась она свежими соками, румянилась и будто мячиком поигрывала молодыми своими силами, не щадя их и не жалея. Позади бежала Ласка, оставляя на белом снегу тёмные следы.

Брат родился на два месяца раньше сроков — врачи вытащили кесаревым. Мама показывала его из окна больницы — заходить не разрешали. Отчим был счастлив, к больнице приехал с огромным букетом разноцветных роз, так как от радости не мог определиться, какие лучше для такого случая.

Когда увидел улыбающуюся жену и белый сверток на её руках, то бросил охапку цветов высоко вверх так, что розы пёстрыми мазками широко легли на серую мокрую землю.

Сергей с коляской остановился у фонаря, где осенью видел бабочку. Сегодня он снова ждал Костю. Он посмотрел на плафон — до бабочек ещё было далеко. Только тающие на нём хлопья снега. Впереди он узнал силуэт друга. Тёмная фигурка, будто подтаивающая от снегопада. Сергею вдруг врезалась в память утренняя сцена в университете. У раздевалки стоял ящик для сбора средств, на ящике Костина ещё школьная фотография, номер курса и диагноз. Рядом остановился старый профессор. Сначала долго вчитывался, затем медленно перекрестил фотографию на ящике и направился дальше. Но вскоре, будто что-то припомнив, вернулся обратно и положил в ящик несколько купюр из бумажника. Покачал головой и пошёл, уже больше не останавливаясь.